

ФАРИТ БАРАШЕВ

Костёр

ТАЙНЫЕ ЗНАНИЯ

Фарит Барашев

Костёр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15123126

ISBN 9785447439514

Аннотация

Книга «Костер» о первой школьной любви, которая разожглась в будущем авторе и положила начало его творческой деятельности. Рассказ заставит читателя смеяться, радоваться и плакать, оставит незабываемое впечатление.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

33

Костёр

тайные знания

Фарит Барашев

© Фарит Барашев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Предисловие

Кто когда-нибудь из вас смотрел, как художник пишет картину? Выливая ее из нутра, когда ничего еще нет, на холсте пустота, кисть ведомая как бы из вне, и мазки пересекая друг друга, один к одному прилагаясь, уходя за границу другого появляются необычный цвет. Ты мысленно обгоняя палитру в себе понимаешь, что явится свет, нужно только заглянуть в просвет и не верить в то, что таланта нет. Он завален камнями, словесных дилем, как гранит символический рунит. Из глубин поднимая знания, ты перешагиваешь грань образования, недопониманий брань, за которым жизнь восхитительной и простой любви, любви наивной, детской. Видишь детство тот единственный путь, который мы все кончаем, который уже не вернуть, мы начинаем другой путь, опускаясь¹ ниже в образование. Где уже ни чего не слышим и не видим так, как в детстве. Свет образования стал тьмой

¹ «опускаясь» – опус-каясь, по древнееврейски «опус» – пустыня

повествований. Сын человеческий в библии сказал, вопросик как бы всем задал, – «Ни свет ли тьма»!? Вот это да! В детство уже не вернемся ни когда, чтобы что-то изменить.

Только в мыслях, воспоминаниях тешимся, либо жале-ем наполненные познаниями взрослой бытности, кого-то ви-ним, кого-то прославляем, чужие мысли употребляем, и кто мы? Так и не знаем, на чужие труды уповаем. Сталкиваясь друг с другом, не понимаем друг друга, вслух говорим – брат, а внутри – враг.

Поучая притом своих детей и чужих, мы хотим ими быть, ну ни как не получится стать, мы им знания думаем дать, чтоб отвлечь, притянуть их к себе, к существу потерявшего даже мечту. И такое положение на сегодняшний день. Чело-век исхитрился весь, сам себя запутал, и наследия вырастают путаными, так и продолжается языком образа жизни правды, и языком образа жизни лжи. Говоришь правду – не верят, говоришь ложь, и та правда вырисовывается. Миф знаний дано перевернулся в мир познаний, и этим перевертышем идем сословно, понимая, что существуем по образу в жиз-ни этих слов, а к самой жизни, к ее знаниям, на пути сто-ит программный шлагбаум, человечеством установленный. Поднять бы его?! И заглянуть, что там за ним?

* * *

Туда меня тянет ручка, ее шарик, катаясь по белому листу

бездонного пространства, оставляет след, символы буквального нарощения, дух над бездною порождения. Ловко закручиваясь в тягучей смеси, шарик, постепенно, вытягивая, проливает мысль². Ухватившись за невидимый опыт, я ухожу к восьмидесятым годам, уже прошлого века, где нахожу то, что сидело во мне тогда, не давая покоя, заставляло погружаться в романтическую свободу, не только днем, но и ночью. Внутри что-то зрело, предполагалось, в груди рвалось. И теперь читая эти строки, я погрузился в молчание, где открылся ушедший миф, и теперь приведенный ожил, и в будущем прояснилось прошлое, которое предлагаю вам, на ваш сравнительный суд, где размышлять причина найдется, с ко-ей разбираться вам самим.

Окунаясь, может быть в краски собственных тайников, в свое счастье, в свою любовь, в картину собственной жизни.

– История «Костер» достоверная, с возможной передачей тех же самых слов по памяти —

*Ученице «А» класса школы 40 гор.
Свердловска (ныне Екатеринбург) Уфимцевой
Наталье Витальевне. к 50-летию. посвящая
этот рассказ.*

(Н.У. + О.Б = Любовь)

Мне трудно выводить слова,
Слезы навернулись на глаза
Хоть и имею навыки жреца

² Мысль – (масло элея; эль-я) масло – ма слов (кости), материя слов

Я вспомнил детство,
Где за девчонкой бегал резво
И пионерский лагерь был
Костер горел и пламенем нам говорил: —
Мечтайте, грезы в детский ум вмещайте,
Девчонкам дружбу в тайне предлагайте,
Играйте, любовь друг другу обещайте,
Наивностью духовной награждайте.
О, Боже, я! Что ж творю?
Жизнь толкаю к млечному огню,
Где память взрослому уже мужчине
Щеку детством обожгло,
Жизнь та старая истлела
За временем в погоне преуспел.
Девчонка та была принцессой детства,
Поэтому ее догнать я не успел.
И напишу в конце, что глупо улыбаюсь
В счастье детства убежать пытаюсь.
Плачу, радуюсь, смеюсь!
В эротические письма превращаюсь.

* * *

Обычное утро, 1980 год, последний день весны с ее обычным восходом солнца. Небо, не предвещающее много осадков, легким ветерком уносило свои тучки, на смену которым приплывали новые. Чуть-чуть покрапил дождик, еле слыш-

но стуча по карнизу. Так безучастно просто все и было тогда, город только начал просыпаться и некому было пока фиксировать в образ жизни. А сегодня, сейчас, описательный момент осмысливается в желаемом для человека направлении, с его участием, разукраской, в хорошо или плохо, касаясь его характеристик, возбуждая к интересу. То весеннее утро, с человеческой точки зрения, необычное.

Олег – персонаж и один из главных действующих лиц рассказа, который своим поведением внесет нужный колорит. Он уже вошел в мир и проснувшись, соскакивая с постели, сразу себя озадачил. Впереди выпускной школьный бал восьмилетки. Только ожидание такого праздника растягивает день, которому не видно конца, а приближение к нему фериически закруживает мысль.

* * *

Двухкомнатная хрущевка вместила в себя восемь человек. В тесноте и не в обиде, звуки каждого члена семьи объединились в одно речение жизни. Мама, отчим, сестра, брат, дедушка, бабушка, тетя и я. Роднящая обстановка друг с другом, иногда невпопад, приносила раздор и я в себе чувствую, что не могу вписаться в это течение. Хожу по полу, а он как не свой, жжет пятки. Мене всегда хотелось быстро повзрослеть, вылететь из гнезда и лететь против всяких установленных, условных правил, и надо же!? Дожил до вы-

пускового. Школьный бал! Прощальный. Сколько с мыслями в голове приходит воображений? Они или радуют, или тяготят. Дома все как будто разные, но в чем-то едином схожи. С утра взрослые разбегаются на работу, как будто так нужно!? И мы, дети, уходим в школу, тоже нужную и эта нужность кем-то определена за правило, поставлено, внедрено в жизнь. И так из-за этой нужности проходил в нее восемь лет, торопя время. А теперь, что самое интересное, мне не хочется со школой расставаться, даже грустно от этих мыслей. И вот последнее утро рождающее день и за ним вечер, тоже последний, прощальный! Двери школы для меня закроются.

Мама ведет себя как-то странно, подозрительно, косится взглядом, будто знает, о чем я думаю. Явно знает, что влюбился в Наташку, ведь я в школе ее инициалами изрисовал все стены и парты, и что интересно обо мне все думают³? Вот я дурак-то! Сам себя выставил на посмешище и кто-то ведь написал тоже самое у меня в подъезде, вывел эту дурацкую математику – Олег + Наташа = Любовь. Какая глупость!? Не уж-то Славка Буньков, «козел»! Да! Наташка скоро мы с тобой расстанемся и твои молочные ножки ни когда, похоже, со мной рядом не пойдут. Мое богатство не для меня. Дикое желание обладать! А мешают этому пустяки, пока

³ От издателя – ни кто даже не подозревал, что рядом с ними находится будущий, СЫН, БОГ, ОТЕЦ. Владыка земли и неба, бесподобный творец жизни людей.

они в мыслях, как только к делу, так пустяки подсовывают какой-нибудь утвердительный аргумент и выдумать-то против этого нечего, если только потом появится как идея засыхающая перед делом. Ведь даже дружбу предложить постеснялся, что я за дурак такой?

В дверь квартиры постучали, затем, как всегда, перекатились нотки музыкального звонка. Отщелкнулся замок и с запахом подъезда последовал вопрос:

– Олег дома?

– Дома, проходи. Олег! К тебе Слава пришел, – закрывая дверь, крикнула мам в комнату.

Пока Славка разувался, из кухни доносились вопросы:

– Слава чем ты собираешься заниматься после окончания школы? Дальше учиться в ПТУ пойдешь или что?

Тот уже было настроился пройти в комнату, ответил – Не знаю пока – и желая еще что-то добавить воздержался, увидев друга быстро прошмыгнул в комнату.

Два товарища с третьего класса сплетенные зовом, а точнее позывами одинаковых влечений, объединенные одной партой, задней, где обычно взгляд учителя не достанет. Где можно пошептаться, почеркаться, прикрыться впереди сидящим, у него же и списать задание урока, ну и подремать, это уже само собой. А замечание учителя, только плюс к детской романтике, которая дает выделиться перед одноклассниками, проявиться сильными, показать противление взрослым установлениям. Так педагог привыкает, что сзади дру-

гой мир и глаза его не замечают, он отделился и педагогика уже не в силах достать.

– Привет Славян! – подкрепляя рукопожатием, проговорил Олег.

– Ну что!? Сегодня потрясемся на вечере? – удобно уместившись в кресле отдыхающим тоном произнес Слава, и жестикулируя продолжал говорить. Олег слушал слова друга без осмысления, они оседали где-то внутри, он пытался понять где, не улавливая их начало и конец, отстраненно размышлял.

Глаза видели мимику друга, подавая сигналы, которые вели к пониманию темы его разговора, а Слава говорил и говорил, и голос его появляясь снова куда-то исчезал, склоняя к вечеру предстоящего школьного бала.

– Слава подожди! – перебил его Олег – Ты говоришь после бала взять девчонок и выехать на природу, или продолжить банкет у кого-нибудь на даче?

– Ну! – согласился Слава.

Организовать конечно можно и мне там было бы удобней подойти к Наташке, но нужно ли это?!

– Погулять всем вместе, если только, так я не против. Я вот что думаю!? Перед твоим приходом я лежал в размышлении и открыл в себе уйму всякого, сам поражаюсь какие мысли в голове живут. Тебе может показаться бредом то, что я говорю.

– Олег, ты какой-то ни такой в последнее время – дергая

ноздрей в сторону кухни, проговорил Слава.

– Может я повзрослел?

– Ни рано ли? У нас только все начинается, – взяв из конфетницы печенинку, Слава с надеждой посмотрел в сторону кухни, – Самое интересное, Олег, впереди, – пододвигая вазу ближе, напутственно произнес друг.

– Ты выслушай к каким выводам я пришел, можно сказать, я перелопатил прожитую мною жизнь, которую прожил-то совсем ничего, и вот когда ты постучал в дверь, я был где-то далеко в своих мыслях, но все происходящее как бы прослеживал слухом и отметил как ты вошел. Ты еще подходил к дверям подъезда, а я уже знал, что ты идешь. И вот что я хочу сказать, все действия наши будто кем-то вложены и мы через того, которого не знаем, но обращаясь к тому, через него, угадываем действия других людей и сами мы будто запрограммированные. Ты мне сказал «привет» и я ответил также, пожав друг другу руки, мы как бы подкрепили свою дружбу, своего рода ритуал получился. Кто это выдумал? Разве без этого мы е будем друзьями? Разве в этом подтверждение того, что мы друг к другу питаем? Дальше! Я сейчас с тобой разговариваю не своим языком.

– Не понял!?! А чьим? – выражая удивление спросил Слава.

– Слушай дальше. Когда ты мне рассказывал о своих планах по поводу выезда с классом на природу, я тебя не слышал, точнее сказать слушал мой организм, но сам я был за-

нят другими мыслями, ни от тебя приходящими, выводами, которые тебя сейчас излагаю. Понимаешь о чем я говорю?

– Честно сказать, нет, но слушаю, пытаюсь понять.

– Попробую тебе объяснить, – расхаживая по комнате взад вперед, Олег сосредоточился.

В это время на кухне приготавливая обед мама внимательно слушала разговор ребят и уже было хотела позвать их к столу, как интерес к собственному сыну ее остановил. Вытирая полотенцем руки присела на стул.

Где-то в коридоре подъезда, на каком-то этаже хлопнула дверь и тут же сквозняком толкнуло в оконные занавески. Спустились и снова поднялись чьи-то шаги.

– То, что мы видим и слышим, даже не желая того, оседает где-то внутри нашего организма, может в памяти? А потом оно вылезает уже как обдуманное нами в действиях. Вот я и хочу сказать, что то, чем мы пользуемся, оно не наше собственное, что-то нами руководит, предрекая наши шаги, и даже сейчас я использую слова, которыми раньше не пользовался, они вошли в разговор не независимо от меня, автоматически, если можно так выразиться – нашли свое место в высказанном мною предложении. Я, друг, не думаю то, что говорю, – Олег вопросительно посмотрел на товарища, – Ну что скажешь?!

– Хм! Ну что я скажу!? Если уж ты сам не думаешь что говоришь, как я-то могу понять, что ты говоришь?

– Ты удивлен?

– Больше чем! – Слава глупо, словно первый раз посмотрел на Олега.

– Не удивляйся! Рассуждая сам в себе, мне кажется я к чему-то иду очень серьезному и мир мне видится не такой, как мы о нем думаем.

Мама улыбаясь, вставая со стула, позвала ребят к столу. Расположившись на кухне откровений стало больше. Сын, развивая тему разговора, сам как будто бы отсутствовал, то ли увлеченный едой, то ли своим рассуждением. Он глазами устремился в другой какой-то мир, хотя смотрел он в окно, за которым с высоты пятого этажа виделся двор покрытый зеленью боярышника, из-под которого доносился приглушенный визг ребятни. Что-то далекое, в звуках знакомое, ностальгически тянуло и в то же время удаляло сюда, в сей-час.

– Мне все-таки кажется, я повзрослел, разговаривая с тобой, Слава, реально это чувствую, а глядя на все окружающее с тем соприкасаюсь и задаю себе всякие дурацкие вопросы. Хотя мне они кажутся не дурацкими, какой-то смысл в них есть. Ты заметил Слава, что многие люди, если что-то их интересует, они задают вопросы кому-нибудь, но не себе? Я же, если мне что-то нужно узнать, задаю вопрос себе, пытаюсь найти на него ответ. Походу своего взросления я всегда куда-то удалялся в себя, и ты знаешь, многое нахожу в жизни неправильного. Даже кажется в простом воспитании себя родителями. Ты и сам это видел. Помнишь, я записался

в кружок театральный?

– Угу!.. – кивнул, соглашаясь Слава.

– Проходил туда не долго – Олег понизил голос, чтобы не услышала мать. – Проходил туда не долго, конечно занятия там отнимали у меня время заниматься заданиями по школе, так, по крайней мере, посчитали мои родители и по их решению, запрету, правду говоря, перестал туда ходить. Я хочу сказать, что мое желание перечеркнули своими желаниями, а те, кто ходил со мной в кружок, они стали играть небольшие роли в спектаклях и действительно продвинулись в этом, и уже в этом году некоторые из них, точно знаю, будут поступать в театральное училище. А я, Слава, случившееся как бы вычеркнул из жизни, потому что мне за ними уже не угнаться. Мне продиктовали другой путь, но и по нему я тоже не пошел, отчим хотел, чтобы я стал машинистом электровоза. Я слышал, Слава, как тебя мать спросила, что ты будешь делать после окончания школы, а вот меня об этом ни кто не спрашивает. Почему?! Теперь следующее! Помнишь, на уроке рисования учительница наша, не помню как ее там, ни это главное, она меня навела на мысль мол, якобы мои рисунки лучшие в классе, ты ведь это помнишь, а? Она еще показывала их всем. Так вот, я на самом деле очень любил рисовать, даже будучи маленьким чувствовал тягу в то искусство и дома частенько уединяясь занимался рисованием. Меня это как-то сильно волновало и как-то один раз даже, случайно скопировал порт-

рет Сталина, одни в один, акварелью, мне тогда восемь лет было, прикинь!?! У нас дома целая история по этому поводу вышла. Портрет этот я у бабушки взял, а положить на место не положил, забыл. Он бегал искал его, а я тогда на улице играл. Так вот! Он взял мой рисунок, а вечером мама говорила ему – Ты что, мол, своего отца народов куда попало кинул? Дед в недоумении – Да как он у меня воно, при мне – показывая на ковер, где висел мой рисунок, а мать сует ему под нос – А это что? Тогда и выяснилось, но особого значения этому случаю не придали, да и я мал был еще. И вот учительница посоветовала родителям отдать меня в художественную школу. Услышав такое, я сам в эту школу пришел, где меня сразу приняли. Мне купили тубус, принадлежности, и что ты думаешь? Проходил я туда месяца три. Помню, мамка купила мне новое пальто, конечно не такое как я просил, а с воротником каким-то мохнатым и цвета зеленым. Мне так было неприятно в нем ходить, ты бы знал!?! Клоуном себя чувствовал. И как-то возвращаясь с занятий, а они заканчивались поздно вечером, ко мне пристали трое взрослых парней, избили, забрали перчатки и 30 копеек денег, и воротник этот порвали на пополам. Прихожу домой, а сам боюсь зайти, веришь, нет? С порога мне начали выговаривать, мол дети как дети, а я как не от мира сего, постоянно со мной что-нибудь да случится, дальше пуще, отчим схватил ремень солдатский, мат-перемат... Короче! Запретили мне туда ходить, тубус выкинули на помойку. И вот в эти периоды жиз-

ни, а точнее когда в школе я начал съезжать на двойки, отметил, что во мне что-то происходит, стал более задумчивым, уроки – домашнее задание, вообще перестал делать, ни видел необходимости, как и обучение в школе, пропал интерес к предметам. С первой парты пересадили на последнюю. Помнишь, мы прогуливали уроки один за другим? И из дома я старался бежать куда-нибудь, улица мне стала ближе и век бы в школу не ходил, если бы не Уфимцева Наташка. Я в нее влюбился, и школа снова стала притягивать. Ходил туда как на праздник, только лишь бы ее увидеть. Одно поражаюсь, как меня ни разу не оставили на второй год? Хотя слышал, между взрослыми были такие толки, даже училка наша, Лидия Васильевна, заявляла об этом. Вот восемь лет и просидел я за партой раздумывая в себе и не могу понять, как это так получилось!?

– Олег!? Я тоже не могу понять – заканчивая обедать начал было говорить Слава. – Ты вообще, что хочешь сказать? К чему ведешь? Я что-то в толк ни как не возьму.

– Я, друган, хочу сказать, вернее спросить, зачем мне задают дурацкие вопросы? Такие как, например: Кем я хочу стать? Если не дают стать тем, кем я хочу и не спрашивают, что я собираюсь делать после выхода из объятий школы.

– Олег, почему ты считаешь тот вопрос дурацким? Думаю самый нормальный вопрос – начал рассуждать Слава, покрутив в руке ложку.

– Да!!! Славян, у тебя тоже оказывается, нет мозгов. Я те-

бе полчаса пытаюсь объяснить суть, а ты ни как не можешь въехать. Чем я хотел заниматься в жизни уже не буду этим заниматься по причине своей неумелости и пробиться в тот круг жизни – дорога закрыта, а учиться тому уже поздно и как одна старуха на скамейке сказала мне, – Тюрьма мол по тебе плачет – прикинь! – с далекой горечью в духе закончил Олег.

– Олег! Хорошо уже портить настроение, у тебя это от Наташки крыша поехала. Вечером сегодня такое будет! Сам охренеешь, вот о чем думай – хлопая по плечу друга, Слава встал. – Потрясемся, винца хлебнем – продолжил он.

– Тише! Ты че блин разорался, мать же в той комнате, услышит.

– А там глядишь под хмельком ты к Наташке и подкатишь, танцы, манцы и прочее, обниманцы. А? Классно ведь будет?!

– Слава о чем ты говоришь? – глядя прямо в глаза другу спросил Олег и не давая ответить продолжил, – Во-первых, потише говори. Хм... Винца! Ты что дурак что ли, шепотом тебя не научили разговаривать? А во-вторых, я не хочу ни куда, ни на какие вечера идти и с Наташкой решил, что ни когда не буду, ее семья и моя – сравни! Она отличница, а я двоечник, точнее даже колышник, оставляю все как есть и ни на какие прочие дела, как ты выражаешься, меня не тянет. А хотя! Черт с тобой, ладно, давай гульнем! – вставая со стула утвердительно закончил Олег и после паузы, нагнувшись, в ухо прошептал, – И винца возьмем ни вопрос, и с классом

куда-нибудь на природу я бы тоже вылезти не отказался, – как будто говорил ни другу, а кому-то еще, покосившись глазами в сторону кота, который сидя возле блюдечка с молоком облизываясь смотрел на ребят. – Да! Старый ты Мурзик.

Я был совсем маленький, когда его принесли и уже столько лет прошло!/? Как одно мгновенье. Ведь он всю жизнь свою провел под ванной, вылезал только поесть, по нужде, а сегодня, как не странно, осмелился гулять по комнатам, по коридору.

– Ты знаешь, дружище, он же слепой давно.

– Да ну!/? – удивился Слава.

– Да! Ему тринадцать лет уже.

Глаза кота были покрыты голубой пеленой и когда ребята в коридоре одевались, он как будто прощался, шевеля усами пытался уловить запах уходящих детей.

– Олег, ты когда придешь? – спросила мама.

Зашнуровывая ботинки, не поднимая голову, сын тихо произнес, – Странный все же сегодня день!/? Ты меня ни когда не спрашивала об этом. Куда я пошел?! И когда я приду!/? – выпрямившись, добавил вопросом – Не помнишь, с какого времени я перестал называть тебя матерью? Ты наверно и сама забыла, когда в последний раз называла меня сыном? Я напомним, это случилось очень давно, когда мне было пять лет, когда приезжали родственники отчима, и ты сказала мне тогда на ушко, чтобы я тебя, при них, мамой не называл. Это, наверное, потому, что у меня другой отец?

И, между прочим, я помню, что я тогда пережил, после твоих слов...

Слава почувствовал нарастающий семейный раздор и потихоньку, боком, вышел в коридор подъезда, где воздух показался легким, а пространство свободным и где-то внутри себя он порадовался, сравнивая отношение своих родителей к себе, с отношением родителей к другу. Перегнувшись через перила плюнул, восхищаясь меткостью, с которой слюна полетела вниз, не задев ни одной лесенки, плюхнулась с далеким эхом.

Слегка хлопнув дверью вышел Олег, оставив мать наедине со своими мыслями, которые вернули ее назад, в прошлое. Откликнулось то, над чем будучи в свое время не задумывалась, а поезд жизненный давно набрал скорость и столбы времени мелькают не заметно для глаз души, а есть ли вообще душа, или нет? Тут же подошел вопрос, вынырнувший не понятно от куда. Появилось желание приблизиться к ушедшему, но тщетно. Не уж-то это момент оценки прошлого связующего с ребенком? Который повзрослел на глазах, не успела оглянуться и не так, как хотелось бы, воспитан, и воспитан ли? Учителя ни чему не научили, а я родителем себя считаю, не задумывалась, а правильно ли сама воспитана или научена? И что толку проходить этот путь еще раз, осмысляя, когда ничего уже не переделать. Правду кто-то сказал, что каждому уготован свой путь. Хм! Интересно, кто же его уготовливает...?

– Блин, опять я с матерью поругался.

– Эх! Да ладно, ты не унывай, – перепрыгивая лужу успокаивал Славка, – Свобода же зовет!

– А я думаю, что взрослость.

– Да ну, ты опять!? Со своей взрослостью.

– Ну а чё? В голове честно сказать путаница какая-то происходит, когда смотрю на окружающее, как будто меня нет вовсе и в то же время я есть все, но как бы в стороне, и понять меня ни кто не хочет или не может.

– Ты Олег так интересно выражаешься, что тебя действительно не понять. Как это тебя нет и в то же время ты все?

– Ну я не знаю Славян, честно! Мне кажется, что вы все и вообще все, что ты видишь – это я. А понять вы не можете меня и ты дружище тоже, потому что вы каждый своим делом заняты, и только о себе и печетесь, делая вид, что беспокоитесь об обществе. И еще я заметил...

– Постой Олег, я перебую тебя, давай вон за угол зайдем, я хоть покурю спокойно, а то сигарету в кармане всю измусолил. У меня, кстати! Родаки ее чуть не нашли, хорошо она в дырку в кармане провалилась.

– Да ну тебя, Славка, у тебя свое в башке. Я тебе о жизни, а ты мне о сигарете...

– А что это не жизнь что ли? Мы ж живем для того, чтобы наслаждаться: сигареты, винцо, девчонки – это разве не жизнь? Да самая натуральная, что ни есть, настоящая.

– Ну это как понимать?

– Очень просто!, – отворачиваясь от ветра Славка прикурив, – Давай по кругу, по две затяжки.

– Я что говорю-то!? Касаемо конечно моих родителей, я заметил, – Олег почесал жировик на переносице, – Я заметил, что взрослые свои мысли желаемые ко мне привязывают или лучше выразиться навязывают, не считаясь со мной, хочу я этого или нет. Вот на мол тебе то, что мы лучше знаем, это и вещей тоже касается. С моим миром во все е считаются, – затягиваясь дымом, кашляя, проговорил Олег.

– Я тебя понимаю друган, – с серьезным лицом ответил Слава.

– Блин, в голове все поехало, – присев на корточки Олег сплюнул на землю.

Докурив сигарету, ребята вышли из-за угла. Они не предполагали, что в скором будущем дети будут ходить по улицам, курить, ни кого не стесняясь, где и прочие непотребности взрослого существования для детей будут открыты и доступны, и то будет принято нормой, нормальной обыденной жизни, а взглядом назад, прошлое станет ненормальным и образование уже к этому ведет.

* * *

– Слава, знаешь, почему я не хотел идти сегодня на вечер?
– Почему?

– Во мне что-то говорит, не надо мол туда идти и я доверяю тому кто во мне.

Славка недоверчиво с удивлением посмотрел на друга.

– Не смотри так на меня, я в своем уме, просто хочу во всем разобраться. Я люблю Наташку. Да! У меня даже порой, кажется, мозги набекрень, а иногда и слеза прорывается, самому стыдно потом, когда вспоминаю об этом состоянии, и ночами я смотрю в потолок, рисуя на нем всякие фантазии, отрабатываю разговор, представляя, что говорю с ней в окружении еще кого-нибудь, подбираю различные слова к разным ситуациям, а вот при явном столкновении все отработанное куда-то исчезает, а говорит во мне нечто, в разрез тому, что планировал.

– Интересно!?

– Вот и я говорю, что и мне интересно во всем разобраться. И все, что происходит, то, что я е понимаю, будто бы у него интересуюсь. Ну у того, кто во мне. И ты знаешь? Он меня как бы выводит из сложных ситуаций и потому у меня всегда все складывается хорошо, везение какое-то.

– Во! Это я понимаю, – засмеялся Славка, – А то что-то ты на жизнь сегодня много жалуешься, детство свое неудачным раскладываешь. Не бойся друган, если что, тебя вылечат и меня вылечат! Ха, ха!

– Не понимаешь ты меня Славян. Хотя!?! Может я просто не умею объяснять то, что хочу сказать!?

– Это скорее всего, – быстро согласился Слава.

– Я тебе хочу сказать, Слава, так как ты у меня лучший друг, что из школы я ни чего не вынес, ни каких знаний она мне не дала, но беру нечто многое из того, что во мне. И это повлияла на любовь, и это думаю не просто так, поэтому я не хочу ее обрывать, то ощущение, не хочу, чтобы закончилось, пусть она живет в моем сердце, а Наташкиной красотой я вдоволь насмотрелся.

– Дурак ты Олег! Ты еще не все увидел, вон сколько пацанов за ней бегает.

– Да! Я это вижу и потому еще из-за этого не хочу быть одним из них.

– Ну а все стены ты изрисовал ее именем, это что, нормально? Всю ведь школу исписал.

– Да! Только я так смог сделать, больше ни кто.

– Хм! Это точно. Все на тебя смотрят как на дурака, и она между прочим тоже.

– Ну знаешь ли дружище, если она уж так думает, значит... значит она пустоголовая, хотя и отличница. Мимо нее проходит тот, кому она должна себя посвятить. И еще! Мне кажется, я тебе сейчас по шее заеду, – толкнув друга в лужу с улыбкой пригрозил Олег.

– Ну ты че?

– Да ни че. Главное тебе хочу сказать.

– У тебя, Олег, что ни говоришь все главное, – с обиженным видом Славка отошел в сторону и, отряхивая обрызганные штаны, что-то бурчал себе под нос.

– Не обижайся Славян. Я же не со зла. Мне, кстати, родки путевку взяли в пионерский лагерь.

– Ну и че? – изумился Слава тем же обиженным голосом.

– Как че?! Уеду от тебя аж на целый месяц, отдохну на природе.

– Да ну ты!? А я здесь, что буду делать один?

– Как что? Дискотеки, винцо, девчонки.

– Ну одному-то мне не в кайф.

– А честно сказать мне ехать-то не охота, но мать путевку взяла, надо ехать и это, видимо, чтобы я дома не мельтешил перед глазами. Но если мне там не понравится, я само собой сделаю ноги. А сегодня вечером так уж и быть, гульнем друган.

– А после вечера, то есть завтра, я приглашу всех в парк, – с удовольствием присоединился Слава.

* * *

После выпускного вечера объятые иллюзией выхода во взрослую жизнь мы всем классом пошли в парк. Девчонки и мальчишки парами шли по аллее, где мимо нас так же парами проходили влюбленные мужчины и женщины, и одинокие мамы везли перед собой коляски, оглядываясь на белые банты наших девчонок. Они долго смотрели, провожая их взглядом, думая о чем-то своем, садились на скамейки улюлюкая плачь своих детей, отвлекаясь в свои заботы. Мы же

разбредились по лесу, кто-то бегал друг за другом, девчонки за пацанами, пацаны за девчонками и собираясь в отдельные группы, перешептываясь, бросая кокетливые взгляды снова шли углубляясь в парк.

– Олегатор! Ну ты че?! Наташка же одна, она и на вечере на тебя смотрела. Ты че к ней не подошел? Не дуркуй! Обрати внимание, она постоянно смотрит на тебя. Вон Серега возле нее крутится, он ее постоянно на танцы приглашал.

Олег шел, улыбаясь ничего не говоря.

– Вон смотрите! Скамейки, давайте там упадем, – крикнул кто-то из пацанов. Все быстро заняли удобные места, а некоторые из пацанов закурили сигареты, осторожно оглядываясь по сторонам, со взрослой напыщенностью пускали дым, кто-то даже наловчился пускать кольца, а девчонки с гордостью глядя на них о чем-то шептались. Наташа, поправляя белый фартук, присела на край скамейки, подняв голову вверх, закрыла глаза.

– Какой приятный свежий воздух! Как хорошо!

– Да! В лесу всегда хорошо, – присаживаясь рядом, в полголоса проговорил Олег. – Наташа, я помню, как мы всем классом ездили к тебе на дачу в деревню Комоткино, мне там тоже очень понравилось и мне понравились твои родители...

– Олег, почему ты ко мне ни разу не подошел за все время, а только сейчас? Ведь я все знаю, про твои чувства ко мне... Многие парни дружат с девчонками, а ты!? Исписал моими инициалами всю школу, а сам ни разу не подошел.

Ты знаешь?! Девчонки смеются над тобой.

– Наташа!?! – он взял ее маленькую ручку и держа на своей ладони медленно нагибаясь поцеловал. – Какая у тебя малюсенькая и нежная рука!?!

– Хм! – хмыкнула она.

Олег не упустил этот звук и для себя отметил, что конкретно уже разбирается в отношениях.

– Пойдем, погуляем! – предложил он.

– Пошли! – согласилась она.

Не отпуская ее руку они медленно шли, поднимаясь в гору. Она, опустив голову, будто перешагивая невидимые ступеньки, бросала невидимый для него из подлобья взгляд. Он тоже, словно копируя ее движения, опустил голову и, не зная, что сказать, пнул подвернувшийся под ногу камушек.

– Олег, скажи что-нибудь.

Покрасневшие щеки обжигали лицо. Обогнав ее, он пошел задом наперед.

– Наташа, ты говоришь, что девчонки надомной смеются.

– Ну да!

– И многие пацаны дружат с девчонками, так?

– Ну да!

– Ты спроси как-нибудь, у кого-нибудь из них, что такое любовь? Тебе ни кто из них на этот вопрос толком не ответит, хотя много чего на эту тему наговорят. А я вот знаю, что такое любовь!

– Хм! – снова хмыкнула она, – И что?

– Но, к сожалению, пока объяснить не могу и говорить, что попало по этому поводу, не хочу. Наташа, ты знаешь!?! В жизни столько слов всяких, что можно говорить, говорить и говорить, жонглируя звуком, гонять воздух, так ничего и не сказать. А я хочу тебе столько много всего рассказать! Но почему-то как назло не могу, слова куда-то деваются и мне стыдно, что я молчу.

– Ну ведь, Олег, многие признаются в любви и дружат потом, и у них все хорошо.

– Наташа! Я одно знаю, что тот, кто любит так запросто «Я тебя люблю» не скажет, думаю к этому откровению лежит долгая дорога.

– Ты как-то интересно рассуждаешь!?

– Да. Я сейчас сам этому удивляюсь, собственным словам.

– А скажи, почему ты плохо учился? У нас такая хорошая учительница.

– Я знаю! Лидия Васильевна классный руководитель только вот недавно это понял, хотя раньше считал ее злой и нудной.

– Меня бы попросил помочь, я помогла бы тебе по некоторым предметам подтянуться.

– Мне просто этого не надо.

– А чем ты дальше думаешь заниматься?

– Не знаю пока, много планов разных. Ты Наташа иногда ведь что-то хочешь сделать, но делаешь совсем другое, не то, что хотела, так!?

– Ну да.

– И то, что ты сделала, оказывается лучше того, что хотела. А еще бывает, что влюбится человек, строит планы чтобы сблизиться с любимым, а не может или встречаясь он не может признаться в этом любимому человеку. А встретившись вдруг, без планирования, оказывается все просто, но встреча эта будет короткой, и может даже пронес парень свою любимую на руках метров десять и на этом их встреча оборвется по каким-нибудь непредвиденным обстоятельствам и расстанутся они, так и не признавшись друг другу, а пройдет целая жизнь, и только потом они снова встретятся далеко-далеко, во взрослой жизни. Может даже у кого-то будут свои дети, своя семья. И все это время им как назло не придет в голову мысль, которая сказала бы, что нужно начать искать друг друга. Ведь мы все делаем от того, какие мысли нас посещают и направляют. Но они все же встретятся, случайно, и только тогда они вразумятся, признаются друг другу в любви.

– Я поражена Олег!?! Как ты интересно говоришь. Вот ты какой оказывается!?! Олег! Меня вот тоже интересует, что такое любовь? Как ты понимаешь?

– Ну я думаю это примерно то, как ты любишь математику.

– Ха! – засмеялась она, – При чем тут математика?

– Ну ты же любишь ее?

– Но от нее же детей не бывает!?

– Хм, – задумался он, – Меня допустим в капусте нашли.

– Дурачок! Это же понарошку так взрослые говорят, мне тоже мама с папой говорили, будто меня аист принес, но это ведь не так!

– Хм!? Я ничего не могу пока сказать по этому поводу.

– Олечка! Какой ты глупенький!? Аист не может приносить детей, это ведь понятно!?

– Нет не понятно, иначе бы не говорили.

– Олег, а ты кем мечтаешь стать?

– Наташа! Я честно сказать не знаю.

– Ты не знаешь, кем ты хочешь стать? – удивленно переспросила она.

– Я не могу ответить на этот вопрос, мечтаю я много о чем, а вот кем я буду, не знаю.

– А я мечтаю стать учительницей, хотя родители мои хотят, чтобы я пошла в археологический институт. Я понимаю, что археология очень интересная и увлекательная наука, но во мне живет тот, что дает мне понять, что должна я быть училкой, учить детей. Понимаешь?

– Да, Наташа⁴, понимаю тебя и мы с тобой в чем-то одинаковы, во мне тоже есть то, что дает мен знания. И раз так, ты станешь хорошей училкой и может случиться так, что я увижу тебя классным руководителем. Только и ты меня пойми тоже, что во мне живет то, кем я обязан стать, только вот! Ты знаешь уже, что будешь педагогам, а я еще не знаю, как

⁴ Наташа – имя собой содержит код «натальная карта»

называется то, кем я буду.

– Мне с тобой Олег⁵ становится интересно. Ой, смотри Олег, кто-то здесь шашлыки жарил? – показывая на кострище сказала она. – Давай с тобой завтра тоже, вдвоем, уйдем в лес, шашлыков поделаем, а? Классно ведь будет!? Я давно хотела.

Подойдя к разбросанным углям он пнул пустую бутылку.

– Наташ, смотри, цветок пробивается сквозь выжженную землю, интересно! Как он смог выжить?

– Угу! – согласилась она, – Ну ты как на счет завтра?

– Я не могу. Я завтра уезжаю. Мать путевку взяла в пионерский лагерь, потом, когда приеду, можно организовать, еще Славку можно взять.

– Славку!? Какого? Губошлепа что ли, зачем? Я хочу вдвоем.

– Ну посмотрим, как приеду я к тебе зайду. Наташ, можно я тебя на руки возьму?

– Ну возьми, только осторожнее, не урони.

– Если будем падать, я упаду вместе с тобой.

– Вот вы где?! – выныривая из кустов прокричал остолбеневший Славка «губошлеп».

Олег же опустил Наташу на землю.

– Вас ищут, кричат, вы что, не слышите? Пойдем! Мы же

⁵ ха с на – ха, ха (на ха ос) личность с арти нас ха лик сна роста сан – свет с начала стило Олег – гелию – (с оль – ге (земля)) стиль о олега жизнь – о гело г из аХ

там вина взяли. Мы для чего в лес то пошли? – подмигивая Олегу, на ухо прошептал он.

* * *

– Ребята, сейчас ни куда не разбегайтесь, через пятнадцать минут, чтобы все сидели на улице за столом. Нам нужно будет с вами назвать отряд и придумать речевку, – поправляя пионерский галстук объявила пионервожатая. – И не бегайте сильно, мальчики! Я кому сказала?

– Наталья Викторовна, а дайте мячик, мы пойдем пока на корт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.